

Глубокой лужи водоем
Как Стикс подмерзший отдаем
Творцу новейшего завета.

15

Творцу новейшего завета,
В изгнание внутреннего мира,
И певчей дочери эфира,
Зависшей в тралах Интернета,
И всем, кто высекал кумира
Из глыбы каменного вето, —
Изнанки позднего совета
Нужны, как программисту лира.
Нас поглощает Новый Свет,
А в Старый Свет возврата нет
И непрерывна эстафета.
Глянь, эмиграций вечный жид,
Бродвей ночную жизнь кружит
В пророчествах дневного света...

Сцена — вот эшафот любви!

Я живу в незнакомом городе,
Все шатаюсь по улицам чуждым...
Лист упал, вспоминая молодость,
Лег, и стал никому не нужным.

...Или, сидя в каморке убранной,
Я на "вы" говорю с бутылкою,
И картошкой давлюсь обугленной,
А внутри кто-то шарит вилкою...

А, когда лягу спать, как будто бы,
Пустота в кровати щемящая...
Встану, гляну в окно под утро я,
А в домах мирно спят трудящиеся.

Ну, а утром, в туман закутавшись,
Я иду заниматься творчеством...
Судьбы чьи-нибудь там распутывать,
Обращаться ко всем по отчеству...

Так живу в незнакомом городе,
Все шатаюсь по улицам чуждым...
Лист упал, вспоминая молодость,
Лег, и стал никому не нужным.

* * *

Я не хотел, но так сложилось,
Кому-то надо исполнять,
Мне это на руки свалилось,
Родных из дома провожать.

Кто их заставил сделать это,
Покинуть свой родимый дом,
Искать приют за морем где-то,
В краю далеком и чужом?

И никогда я не забуду,
Как в даль уходят поезда,
Тогда не верили мы в чудо,
Тогда прощались навсегда.

Великий Боже, как же случилось?
Что нам, не вечным, сделать так,
Чтоб близкие не разлучались
И не бросали свой очаг?

Ты отпустил нам так не много,
Что будет, знаешь ты один.
Взгляд упирается в дорогу,
В шеренгу уходящих спин.

Но дома остается кто-то
Таков уж вечности закон.
Я занят новою работой,
Встречать и ждать приговорен.

* * *

Удивительная профессия,
Очень сложная и простая,
Занимательная процессия,
Что позволит вам жить мечтая.

Каждый день над собой мучение,
Сам себя ты толкаешь в пропасть,
Вот летишь, и в это мгновение
Видишь путь — как к мечте протопать.

Надо быть постоянно разным,
Лицедейство у всех в крови,
Сцена, словно микроб, — заразна.
Сцена — вот эшафот любви.

Бабель

В шляпе абажура
Лампы лысый череп
Матово и хмуро
Смотрит диким зверем.

Перебиты пальцы,
Сломана ключица,
В близоруком вальсе
Лист сухой кружится.

Тишина, как в склепе,
Тихо ветка стонет,
А в широкой степи
Женщины и кони.

Все в мешок совали
Весело, азартно,
Словно точно знали,
Что не будет завтра.

Матово и хмуро
Смотрит диким зверем
В шляпе абажура
Лампы лысый череп.

* * *

На краю сыровяленой степи,
Там, где воздух над морем дрожит,
Там, где солнце ласкает и слепит,
Ты родился на свет, одессит.

Пусть кому-то мила Йокогама,
А кому-то Варшава, как знать.
Нам Одесса любимая мама,
А не грозная родина-мать.

Мы пропитаны духом акаций,
К сердцу каждого доступ открыт,
Ведь Одесса для нас Лига наций,
И поэтому ты одессит.

Пусть кому-то мила Йокогама,
А кому-то Варшава, как знать.
Нам Одесса любимая мама,
А не грозная родина-мать.

Ты обрызган соленой волною,
Рыжим солнцем жарою облит,
Где бы мы ни встречались с тобою,
Каждый знает, что ты одессит.

Пусть кому-то мила Йокогама,
А кому-то Варшава, как знать.
Нам Одесса любимая мама,
А не грозная родина-мать.

* * *

Я с тобой живу и удивляюсь,
Что такого ты во мне нашла.
Засыпая, я не укрываюсь,
А под утро я ищу тепла.

И вообще со мною нет покоя,
Столько лет тебе мешаю спать.
То храплю, то кашляю, то ною,
Не даю спокойно полежать.

Или вдруг, вскочивши среди ночи,
Места не могу себе найти.
Эта ночь мне голову морочит
И не хочет от меня уйти.

Вот слоняюсь, как умалишенный,
С темнотою опасаясь встреч,
Только за окном фонарь зажженный
Хочет что-то для меня сберечь.

И зачем ему мои все боли,
Будто он сценический софит.
Здесь не театр! Я не играю роли,
Просто благодарен, что горит.

Темень нас изрядно измотала.
Умница, ты продолжаешь спать.
Я тебе поправлю одеяло
И фонарь не стану выключать.

* * *

Когда в Арабских Эмиратах
В неимоверную жару
Индус песок копал лопатой,
Я знал — копну и здесь умру.

Но на родном песке Бугаза,
Что выстиран волной морской,
Копченный и соленый — сразу
Ты вдруг становишься другой.

Куда уходит напряженность
И будничная суета!
Да здравствует раскрепощенность
И простота, и красота.

И только вечером на пляже
Тобой владеют облака,
И сквозь воздушные плюмажи
Видна Всевышнего рука.